

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК
ВЫПУСК 11 (74)

ИСТОРИЯ
и
ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

АКАДЕМИК П. К. КОКОВЦОВ

(К столетию со дня рождения и двадцатилетию со дня смерти)

Российское Палестинское общество при Академии наук СССР и Кафедра Арабской филологии Ленинградского государственного университета отметили в совместном заседании от 1 марта 1962 г. столетие со дня рождения и двадцатилетие со дня смерти академика Павла Константиновича Коковцова. Семитолог широкого охвата, выдающийся знаток восточных рукописей, П. К. Коковцов оставил после себя не теряющие научной ценности труды и успешно работающих учеников. Память об этом замечательном исследователе хранят востоковеды всего мира.¹

С кратким докладом о жизни и научной деятельности П. К. Коковцова выступила председательствовавшая на заседании член-корреспондент АН СССР проф. Н. В. Пигулевская.

П. К. Коковцов родился 19 июня 1861 г. в Павловске под С.-Петербургом, в семье выдающегося инженера путей сообщения К. К. Коковцова. Курс средней школы П. К. прошел дома и только в старших классах учился в гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1880 г. С юных лет он уделял серьезное внимание изучению древних языков. В 1884 г. окончил С.-Петербургский университет по еврейско-арабско-сирийскому разряду Восточного факультета. Его дипломное сочинение «Халдейский перевод книги Притч Соломоновых» было высоко оценено его учителями. В дальнейшем П. К. Коковцов посвятил себя изучению сложнейших вопросов еврейско-арабской филологии, в основу которого он положил детальный анализ и перевод грамматического трактата Ибн Баруна, открытого им. 1890 и 1891 годы выпали из научной жизни молодого ученого по причине тяжелого заболевания, развивавшегося в результате нервного истощения. Но уже в 1893 г. он защитил в качестве диссертации напечатанную им книгу об Ибн Баруне, о которой имелись блестящие печатные отзывы Бахера, Деренбурга, Нейбауера. Восточный факультет, возглавляемый тогда академиком В. Р. Розеном, присвоил ему единогласно магистерскую степень. В следующем 1894 г. П. К. Коковцов начал чтение лекций на Восточном факультете в качестве приват-доцента, в 1900 г.

¹ И. Ю. Крачковский. П. К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861—1942). Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1944, ч. III, вып. 6, стр. 274—279; Н. В. Пигулевская. О П. К. Коковцове. Вестн. АН СССР, 1942 г., № 4, стр. 103—107; Н. В. Пигулевская. Академик Павел Константинович Коковцов и его школа. Вестн. Лен. гос. унив., 1947, вып. 5, стр. 106—118.

он был экстраординарным профессором, а с 1912 г. ординарным профессором. Второй том его замечательного труда вышел через 25 лет после первого тома — он появился тогда, когда автор был уже известным ученым. Защита этой второй диссертации не состоялась — в этом не было необходимости. Работа П. К. Коковцова, отметила Н. В. Пигулевская, была чрезвычайно разнообразна: он был семитологом, владевшим всей полнотой дисциплин, связанных с этой специальностью. В круг его лингвистических интересов входила арабистика, гебраистика, сириология. Он читал курс по библеистике, эпиграфике, литературе.

П. К. Коковцов был связан с большим кругом научных учреждений, в числе которых были: Университет, Академия наук, Публичная библиотека, Русское археологическое общество, Православное Палестинское общество, Эрмитаж.

Широкая научная деятельность П. К., его многочисленные труды, положившие начало новым отраслям филологии, были увенчаны в 1903 г. званием адъюнкта Академии наук по литературе и истории азиатских народов. В 1919 г. он был избран действительным членом Академии наук.

О жизни П. К. Коковцова следует говорить как о вдохновенном служении науке. В ранние годы своего отрочества и юности П. К. тяжело страдал от совместной жизни с мачехой, что оставило след на всю его жизнь. Беззаветно преданный науке, П. К. отказался от личной жизни. Он горячо любил музыку, сам играл на рояле, но не уделял этому большого внимания. П. К. Коковцов не создал своей семьи, хотя в его жизни было одно большое увлечение молодой и красивой пианисткой. Это был глубоко продуманный отказ от личной жизни ради науки.

Семья П. К. Коковцова отличалась заметной склонностью к литературным занятиям. Перу его отца, инженера К. К. Коковцова, принадлежит обширная история железных дорог, его старший брат К. К. Коковцов оставил интересные записки о времени пребывания обоих братьев в научной командировке в Англии. Двоюродный брат, П. К. Коковцов, драгун, павший смертью храбрых в 1915 г., вел дневник первой мировой войны, участником которой он был. Сам П. К. Коковцов писал с величайшей тщательностью, с чувством глубочайшей ответственности за каждый вывод, с полной уверенностью в полученных им результатах анализа.

П. К. Коковцов воспитал группу учеников, в числе которых следует назвать академика В. В. Струве, членов-корреспондентов Н. В. Юшманова и Г. В. Церетели, профессоров И. Н. Винникова, А. П. Алявдина, В. К. Шилейко, А. П. Рифтина, А. Я. Борисова. Я счастлива, добавила Н. В. Пигулевская, что я была тоже в числе его учеников.

Жизнь П. К. Коковцова была научным подвигом, в котором первым и единственным содержанием было исследование. Двадцать лет прошло со смерти П. К., но он жив в своих замечательных трудах и в памяти его учеников.

Академик В. В. Струве посвятил свое выступление воспоминаниям о П. К. Коковцове, который был и его учителем. В. В. Струве стал зани-

маться у П. К. уже будучи доцентом университета, но глубокие знания главы семитологии помогли В. В. Струве освоить новую область науки, которая значительно расширила диапазон его работ. Эпиграфические и филологические исследования П. К. Коковцова, отметил акад. В. В. Струве, создавали базу для работы историков и давали для нее основу. Личная дружба, связавшая В. В. Струве с П. К., была прервана только смертью П. К. Коковцова.

В своем выступлении И. Н. Винников сказал, что П. К. Коковцов был семитологом в полном смысле этого слова. Он был бесспорно самым большим русским семитологом и таковым остается до наших дней. П. К. Коковцов владел всеми семитскими языками, при этом, что встречается очень редко в науке, одинаково глубоко и одинаково широко.

Уже в своем первом большом труде по основной специальности — «Книга сравнения еврейского языка с арабским Абу Ибрагима ибн Баруна» — П. К. Коковцов обнаружил изумительно тонкое знание как еврейского, так и арабского языков; по этому труду, как и по другим трудам П. К., посвященным средневековой еврейско-арабской литературе, трудно было бы решить, какой именно из этих двух языков являлся для него основным. Когда читаешь блестящие по остроумию и силе аргументации арамейские штудии П. К. Коковцова, когда читаешь его тщательные исследования, посвященные различным сирийским эпиграфическим памятникам, сиро-палестинским фрагментам, его чрезвычайно глубокие замечания по сирийской литературе, перед нами встает первоклассный, мирового значения арамеист и сириолог. А разве не говорят о безупречном знании П. К. эфиопского языка и литературы его заметки об эфиопских рукописях, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, и его обширная рецензия на докторскую диссертацию Б. А. Тураева об агиологических источниках для истории Эфиопии, содержащая детальный разбор изданных Б. А. Тураевым текстов и предложенного им перевода этих текстов? А работы П. К. Коковцова, посвященные финикийской письменности, и читанный им в течение многих лет курс северосемитской эпиграфики свидетельствуют о прекрасном знании П. К. истории финикийской письменности, о полном владении им всеми относящимися сюда материалами. Если вникнуть в страстные рассуждения П. К. Коковцова, связанные с вопросом о шумерском языке, то увидишь перед собой широко образованного ассириолога, обладающего самостоятельными взглядами на сложные вопросы современной ассириологии. Такое же впечатление оставляли его лекции по ассиро-вавилонскому языку, которые он читал много лет в Университете.

Характеризуя затем 35-летнюю педагогическую деятельность П. К. в Ленинградском государственном университете, И. Н. Винников сказал, что особенно ярко проявлялась колоссальная эрудиция П. К. во время чтения им лекций по семитской эпиграфике. Никогда не забыть, сказал он, с каким большим искусством, с каким мастерством П. К. Коковцов раскрывал смысл и значение, казалось бы, совершенно безнадеж-

ных выражений, слов и обломков слов. Здесь открывалось широкое поле для проявления накопленных П. К. долгими годами упорного и методичного труда необъятных знаний в области семитских языков. И. Н. Винников на ряде примеров показал, что многочисленные эпитафические труды П. К. Коковцова выдержали испытание временем и прочно вошли в мировую сокровищницу науки. Что же касается основополагающих работ П. К. по истории средневековой еврейско-арабской филологической науки и по еврейско-хазарской переписке, то эти труды не только не устарели, но, можно сказать с полной уверенностью, навсегда сохранят свое значение в науке.

Закончил И. Н. Винников свое выступление словами: «Русское востоковедение всегда будет гордиться тем, что оно дало ученому миру такого редкого масштаба семитолога, как П. К. Коковцов».

Кандидат филологических наук и старший научный сотрудник (Институт народов Азии АН СССР) К. Б. Старкова охарактеризовала П. К. как исследователя первоисточников. Она отметила его большую работу по разбору коллекции Государственной Публичной библиотеки, в том числе разрозненных фрагментов редких рукописей собраний епископа Антонина, собрания Фирковича и других. Особенное значение имели, по ее мнению, работы П. К. Коковцова по средневековым грамматикам, которые составили важнейший раздел его исследований. Результаты этих многолетних трудов важны для ряда новых проблем, в частности для исследования кумранских документов. П. К. Коковцов много занимался библейской критикой и филологическими изысканиями, в частности, он оставил обширные заметки по тексту книги Иова.

П. К. Коковцов был выдающимся эпитафистом, в круг его исследований вошли Пальмирские надписи, Нирабские, «сиро-несторнианские надписи из Семиречья», надписи с о. Севана. Его исследования ныне продолжают целым рядом его учеников и преемников, в частности членом-корреспондентом Грузинской АН Г. В. Церетели. Проф. И. Н. Винников составил словарь к эпитафическим памятникам на арамейских языках, который систематически печатается.

Замечателен самый метод исследования П. К., который заключался в историческом подходе к материалу, определявшемуся как памятник данной эпохи. Им учитывался контекст как для отдельных слов, так и для текста и осмысления его содержания. Его критический метод анализа позволял ему выявить подлинный авторский текст, что и является важнейшим положением для установления верного и подлинного чтения.

Труды П. К. до сих пор остаются эталоном для филолога, отметила К. Б. Старкова, они являются лучшим методическим руководством для всякого исследователя-текстолога. Высокий уровень работ П. К. остается образцовым до настоящего времени.

С сообщением на тему «По страницам архива П. К. Коковцова» выступила научный сотрудник Института народов Азии АН СССР Р. Р. Орбели. Докладчик остановился на эпистолярной части архива, уделив

основное внимание переписке П. К. Коковцова с учеными-кавказоведами. Как показывают материалы, отметила Р. Р. Орбели, П. К. Коковцов принимал деятельное участие в разрешении многих вопросов кавказоведения: в изучении языков, письма памятников эпиграфики и древней литературы Армении и Грузии.

В заседании приняли участие более пятидесяти человек: научная общность г. Ленинграда, преподаватели, аспиранты и студенты Ленинградского университета.
